

Птица Симург

Сказания сонного леса.

Легенда о варге

Глава 1

Ожгло по спине, опалило чужим взглядом, окинуло пламенем с головы до ног. Кто таков? Что делает в этой глуши? Она идет, не оборачиваясь, на слух угадывать пробует, и забава начинает ее увлекать. А взгляд тот никак не отстанет, да травой приглушенный звук от копыт позади слышится. Невидимый путник придерживает коня, чтобы не обогнать, и дальше уже неотвязно следует по пятам. Как привязанный. Не из простых, вон как позвякивает оружие, и смотреть не надобно, чтоб убедиться, не прост всадник, ой как не прост. С оружием, верхом на коне, среди ясного дня... чего ему опасаться, уж не ее ли? Но вот ведь, и не окликнул, и помощи не предложил. Чужак. И гордец, получается. Не по нему такое занятие, всяким встречным да поперечным в житейских простых делах помогать. Не подвиг какой, ясное дело, и не мечом ведь рубиться с врагами... За водой к особому роднику и обратно, почитай, через день приходится бегать, привычна она, да только едва подумалось ей о помощи, так и заныло плечо,

так и впилося коромысло, будто кто к ее ноше добавил еще пару ведер воды. Нелегко придется любезной твоей, с таким-то догадливым да работающим... Что ж до самой, то это и к лучшему, что молчит, споганил бы воду ей ключевую, молчаную, второй раз к роднику пришлось бы идти.

Дойдя до ворот, она ставит ведра с водой на землю, берет плат с пояса, накрывает. И уж только тогда оборачивается к нему. Мельком оглядывает, отмечает, что угадала. Знаки на сбруе и на рукояти меча, не то чтоб в подробностях, но что другие, чужие, не здешние, это сразу понятно. И в одежде — не явно, но ощутимо отличие. Вот так, целиком, не вглядываясь.

— Ты кто такой, северянин? Что забыл в наших краях? — и даже на миг не задумалась, сможет ли он понять, знает ли речь, разберет ли слова.

Всадник проводит рукой по лицу, будто бы наваждение отгоняя, размыкая заклятие, что сковало его. Спешивается, берет коня под уздцы, а подойдя поближе, склоняет в приветствии голову.

— Ты права, хозяйка, северянин я. Сбился с дороги, плугаю который день, только тебя и встретил. Так что прими благодарность, что вывела.

Отвечает довольно бегло, и выговор чистый, хоть и другой. Такой говор у тех, кто родился и

вырос за Радынем¹, рекой межевой на запад от их краев. Вот от кого нахватался... Волосы русые выются до плеч, борода с рыжиной, глаза светлые, отмечает она про себя. Издали старше казался, грубей. А вот лицо ей не нравится и вблизи, жесткое, резко очерчено, словно высечено резцом. И хищник так и зыркает сквозь личину.

— Так что северянин искал в наших лесах? Не на охоту собрался ведь? — сама спрашивает, а тем временем зверя услышать пытается да выманивает... зовет, произнося слова, как Ратмир научил, одними губами, неслышно, от сердца зов посылает, не для уха людского, для зверя. Только зверь его и услышит. И самый простой, что в шкуре звериной рожден, и тот, что сокрыт в человеке. Любой, сколь бы ни был он осторожен, не сможет унять любопытства, не устоит перед зовом, хоть на короткий миг — да проявится... Да покажись же ты, дай поглядеть!

— Вестник, с письмом, к правителю, князю вашему направляюсь.

Нет, не выманить этого зверя, как прочих. Замкнулся, закрылся в убежище своем наглухо. И сам северянин подобрался весь, насторожился,

¹ Радынь — вымышленный топоним, к реальным отношения не имеет.

словно опасность какую почуял звериным своим
нутром.

— Значит, плутать еще долго тебе, северянин.
Это не хутор, как видишь. А не выведу к людям —
так и останешься тут...

И не понять, то ли шутит она, то ли грозит.
Рот смеется, а в глазах марь беспросветная
разлилась. И озлилась как будто, хоть ничего
плохого не сказал ей, не сделал. Да и когда бы
успел?

А дева, усмехнувшись недобро, смотрит через
плечо ему, будто кому другому слова ее
предназначены:

— Места такие у нас. Заповедные.

— Не любят ваши места чужаков, заметил, —
соглашается северянин. И вдруг совсем становится
на простого похож. Осторожен зверь, чует, что надо
скрываться. Прячет огонь, полыхающий во взгляде.
Прячет звериный рык и хищный оскал.

Распахивается калитка, еле заметно скрипнув.
И со двора к ним выходит хозяин. Взором цепким,
внимательным окидывает людей у ворот, ведра,
накрытые платом, коня, еще раз на деву смотрит
внимательно, а потом уж и гостю незваному
достаётся. Достается с лихвой, до мороза по шкуре.
Северянин только дивится, с чего его вдруг
пробрало... мужик как мужик, среднего роста,
жилистый, крепкий, может и мечом неплохо

орудует, но не военной стези человек, заметно. А что волком глядит — дело понятное, глушь, мало ли кто приبلудился? Но внутри что-то ёкает, больно и зло. Как будто отняли что-то, что уже посчитал своим.

— Как видишь, я не одна, Ратмир, — улыбается дева, меняясь в лице. — Смотри, кто за мной увязался.

Тот усмехается криво, глядя все так же, на гостя. Так и стоят, северянин с хозяином дома, друг друга рассматривают, а дева то на одного, то на другого поглядывает, что будет дальше, ждет. Все любопытно ей... и как Ратмир вскинулся, чуть не вцепится в горло приезжего, так он ему поперек... и как северянин заметно опешил, не ожидал чего-то такого... а чего, скажите на милость, он ожидал? Что примут его как разлюбезного гостя? Скажут, ждали тебя, не досыпали ночей, переживали, как ты там, что с тобой, хорошо ли доехал? Хлеб-соль поднесут, жарко обнимут, повиснут на шее... Или что тут, посреди заповедного леса, она одна-одинешенька, а не с таким вот, сердитым и хмурым Ратмиром в придачу?

И северянин спохватывается запоздало, что ж это такое нашло на него, в самом деле, ни себя не назвал, ни хозяев не поприветствовал как положено. Вся ведь надежда на них, что отнесутся к нему по закону, а сам-то — первый, кто те правила,

предками заповеданные, нарушает.

— Мир дому вашему, хозяева. Мое имя Ингвар, отец звался Хельги. Отряжен с посланием к вашему князю, — представляется он по всей форме, как принято, кто он, зачем, куда направляется. Даже с гонором, называя имя отца и суть своего поручения. Но поскольку с ответом хозяева не спешат, только мельком переглянулись, продолжает уже совсем другим тоном: — Приютите как гостя? А если откажете в крове, то хотя бы дорогу прошу показать, в какую сторону ехать.

— Предки велели путников привечать, — наконец размыкает уста Ратмир. Говорит он тихо, вполголоса, так что невольно прислушиваться приходится, наострив уши и стараясь поменьше шуметь. Даже дышать через раз получается. — Но и ты, северянин, помни о старых заветах, когда перешагнешь мой порог.

— Дом, приютивший путника, священен, подтверждаю перед богами и предками, что не нарушу закона, — клянется Ингвар. И с облегчением думает, что хотя бы сегодня его ожидает спокойный ночлег. Как бы там ни было, он ведь почти оставил надежду, что выберется отсюда. Что когда-то опять увидит людей. Что этот проклятый лес однажды оставит его в покое. И ночь передышки — для него небывалый подарок судьбы.

— Да будет так, — кивает хозяин. —

Марушка, гостя тебе поручаю, сам с водой твоей разберусь... и с конем нашего гостя.

Войдя по подворью, Ингвар отмечает, что и дом явно новый, только-только сложен, и пристройки, разве что сараю явно не первое лето идет, все небольшое, ладное, даже кровля везде — и та, из свежей соломы, когда только успели ее перекрыть? Молодая семья? В лесу? Что за блажь?

Марушка поглядывает мельком, искоса, отмечая и короткие быстрые взгляды пришельца по сторонам, и его манеру по-зверинному принюхиваться. И как прячет свое любопытство, если глянуть не исподтишка, а в лицо... И досаду, которой Ингвар утаить от нее не в силах. И что-то такое в ней голову подымает, игривое, легкое, чего прежде не замечала в себе. Или случая подходящего не подворачивалось, чтобы заметить. Кошкино настроение, кошкины игры с добычей...

Тягучи, ленивы ее движения, куда ей спешить? Да и чужак нисколечки не смущает, будто и думать забыла, с чего началось, да и было ли это, может, приснилось? Не он за ней шел, как привязанный, слова сказать не решался, хотя бы окликнуть, только глазами ел... Куда б пожелала — туда бы и привела, хоть в топи болотные, хоть в саму Белую Вежу², хоть на расправу... А тот

² Белая Вежа — выдуманный топоним. Вежа = башня,

молчит, да хмурится, да губы кусает с досады. И пока без особой поспешности она собирает на стол, в горницу входит хозяин, Ратмир.

— Конь твой в стойле, накормлен, напоен, — обращается он к Ингвару, — и тебе подыскал, где отдохнуть. Перед дорогой, — и понятно, что утром его прогонят. Чин по чину, вежливо выставят вон. — На сеновале ночуешь, уж не взыщи.

Ингвар благодарит, нет и нет, он не в обиде, ночи теплые, и вестнику не привыкать. Был бы кров над головой и стены вокруг, чтоб не дергаться с каждым шорохом... а в пути — и на земле доводится спать, что зимою, что летом. Северянин душой не кривил, он и сам собирался проситься куда-то, пусть бы и на сеновал. Хоть сколько тверди себе, напоминай, что там предки гостям велели, но от самой только мысли, что где-то в хозяйском доме придется, поблизости, и тошно, и страшно ему становилось.

Ужинают при свече. Марушка напоказ, со значением, протягивает через стол круглый бугристый хлеб, и каждый ломает себе краюху. Еще теплую, с хрустящей подсушенной корочкой. Себе она тоже кусочек отламывает. Рассеянно щиплет его, витая мыслями где-то, и будто бы вспомнив о

деле, уходит, оставляет мужчин одних за столом. Ратмир ест размеренно, не торопясь, и гостя разглядывает в открытую. А Ингвару в горло кусок не лезет. Ни вкуса еды не заметил, ни что за питье было в кружке. Тяжело смотрит Ратмир, на лице написано, мол, знаю все про тебя, и про дела твои знаю, и где ты соврал, догадался, и все нутро твое подлое чую... насквозь вижу тебя, северянин, только пока не придумал, что с тобой делать. И Ингвар не выдерживает, сил нет сидеть перед этим Ратмиром, глаза потупив, и принимать молчаливые обвинения! Пусть лучше начистоту, как есть, в лицо ему скажет. А он ответит, как сможет. Ну, или пусть уже как-то решится. Он даже думает, что неплохо бы встать и уйти, прямо сейчас. Если б не этот лес заколдованный, не дорога, которую потерял...

Он сдвигает в сторону миску с едой. Кулаками решать, кто из них прав, будет совсем не по чести, Ратмира потом собирать по кускам придется, он никак ему не противник. И кому же еще, как не Марушке, собирать... Последняя мысль теряется напрочь, ибо хозяин тоже на что-то решился. Точно так же, как и Ингвар, резко сдвинул на край столовую утварь, рывком выпрямился, вскочил со своего места, теперь они в полный рост... и, похоже, вот-вот вцепятся в глотки друг другу. Только Ратмир не кажется более слабым, заведомо

проигравшим. И ростом никак не ниже Ингвара — вдруг. Хмурая марь, до черноты, такая, что не видно зрачка, совсем как у хозяйки, когда стояли они у ворот, а она не пойми почему на него разозлилась... Марь смотрит навывлет, насквозь пронизывает Ингвара, перетекает из глаз чужих в самое его сердце. Хочется сникнуть, спрятаться, но северянин не в силах ни шевельнуться, ни глаз отвести.

— Баню вам натопила, — это хозяйка вернулась. Хмыкнула и без слов, но с прозрачным намеком отворила дверь настежь. Конечно, не розами пахнет путник, неделю плутовавший в лесах. И как будто прошло наваждение темное. Или, может, слегка отпустило на время, но и этой радости с головой.

— А гость и сам справится, верно? — Ратмир вопросительно приподымает брови, намекая, мол, соглашайся! И северянин согласен, конечно. Поскорей бы убраться подальше только, чем дальше, тем лучше. Для начала — хотя бы в баню. А после на сеновал. И поутру — так и вовсе, дорогу пусть скажут, и только его и видали. Про обратный путь лучше пока не думать. Как-то устроится все, главное выбраться.

Гость на радостях убирается вон, и покуда смывает с себя грязь и запахи дальних странствий, хозяева держат семейный совет.

— Разведчик, — веско роняет Ратмир. Без малейших сомнений, утверждая, как данность.

— Ага, — легко соглашается Марушка. И наконец-то добирается до еды. — Думаешь, не поняла?

— А в дом зачем притащила? — зудом зудевший вопрос, как Ратмир дотерпел — непонятно. Не был бы гостем у них Ингвар, кого пригласили в дом, с кем хлеб разделили... мог бы Ратмир обойтись по своему разумению с ним. Разведчики северян в любом краю не к добру объявляются. Сперва они, а следом уже и отряд, который пройдет по дорогам разведанным, считай потом вдов да сирот... И пусть именно в этом лесу, именно им, Ратмиру и Марушке, навредить не сможет никто, разве что сами сдадутся на милость. И пусть не слишком-то он, Ратмир, остальных людей жалует, он вообще невысокого мнения о простых, да и с волхвами многими не в ладу. И не наемный он стражник этого леса. Но пропускать врага, еще и дорогу указывать...

— Я притащила, а ты согласился, — пожимает плечами Марушка. — Зачем соглашался?

А на это он сам не находит ответа, будто дернул кто за язык. Не Марушка, это точно. Ей пока с ним не тягаться. И не Ингвар, этот давно не сумел бы голову задурить. Молчит Ратмир, сказать ему нечего.

— Вот и я тебе не скажу, — вздыхает Марушка, и в глазах у нее мелькает сочувствие. Знать бы еще самой, «зачем», кошкино настроение... могла ведь глаза ему отвести, или просто отправить куда-то подальше, да хоть бы обратно, откуда пришел, отрядить. Нет же, домой, как на привязи, притащила. А привязь штука такая, кто за веревочку тянет, тот пока и главней, но только что дергала ты — а вот и тебя уже повело...

— Все одно к одному... Толку барахтаться понапрасну? Что сделано — вспять не вернуть. А дальше увидим, что будет.

Ратмир на эти слова отвечает резко, наотмашь:

— Ты деревенской дурочкой не прикидывайся. Заварила кашу сама — на твоей совести будет... И на моей, — добавляет он зло. — Что взялся тебя обучать. Была бы как все, прялка, веретено, сидела бы дома, пироги пекла да женихов — не из пришлых себе выбирала.

— Думаешь, просто понравился?

— Думаю, — кивает Ратмир.

— Он занятный, — опять пожимает плечами она. «Вы оба занятные» вертелось на языке, но удалось промолчать. — И оборотник еще, ты ведь понял?

— Оборотник он только по крови, не по уму. И не обучен. И со зверем своим не справляется, —

качает Ратмир головой. — Странное дело, у северян в чести такие умения, а этот нарочно держит волка на привязи... Если б не военное ремесло, уже б заморил бедолагу. Ты не смотри, что другое зверье накоротке с тобою, этого не проймешь.

— Посмотрим... может, и будет какой-то толк... и Ратмир, — зовет его Марушка, он оборачивается на голос, и, пожалуй, впервые видит не младшую, не ребенка. Что-то неуловимо переменилось в ней, и довольно давно, просто не замечал... — А кроме того, что лазутчик Ингвар и необученный оборотник, вы с ним чего не поделили? Хоть беги за водой, разливай...

Ратмир как не слышит ее:

— Думаешь, назвал свое имя настоящее, не обманул?

— Обманул, не обманул... Свои средства найдутся, как выведать, — когда это было для них, для волхвов, препятствием? Проследить если хочешь за кем или направить нужной дорогой — отметину ставь, на коня, на сбрую, на самого человека... а если выведать тайное надобно — волос с одежды сними, сон особый нашли на него, чтоб сам без утайки все про себя рассказал.

— На коня метку поставила?

— И на сбрую, и на подковы... и до самого лазутчика доберусь. Так о чем вышел спор? — напоминает она.

Проскочить неудобный вопрос не вышло. Заметила, вот, теперь отвечай. Хотя почему «отвечай» непременно? Кто из них старший, в конце концов?

Марушка все понимает без слов. Не твоего — не женского — ума дело, если коротко и по сути. Иди, пеки пироги, вышивай и не лезь, куда не просили.

— Ну, вышли бы, врезали бы друг другу. Подрались — помирились... — мужские игры в ее понимании просты, даже не о чем говорить. Но тот же Ратмир неустанно твердит, что волхвы и думают, и живут по собственным правилам... Только и остается, что про него тоже выведать ворожкой, разузнать, что к чему. И схлопотать по ушам, как бывало уже за такое.

Ратмир будто подслушал, о чем она думает (хотя чушь, не умеет, иначе б уже научил!), грозно и многозначительно хмурится, и Марушка, чтоб избежать дальнейших наравоучений, спешно озадачивает его:

— Меду ему отнеси, только не в баню, угорит, если уснет там. Поставь где-то поблизости. Или отдай. И реши уже что-то...

— Решу, — перебивает ее Ратмир, и разговор на этом окончен, так следует понимать. Дверь за ним затворяется тихо, хотя Марушка уже приготовилась к грохоту, хотелось ему, ой как же

хотелось пнуть со всей силы, так сказать, от души...

— Вот и славно, — мурлычет она и почти пританцовывает в предвкушении, пока прибирает остатки ужина. Не то чтоб совсем удалось отделаться от тревоги, но чутье надобно слушать, а не барахтаться в омуте переживаний. Так что тревожное и непонятное Марушка со всем тщанием прибрала и на место поставила, что ту столовую утварь.

Глава 2

Мед хозяин дома берет из припрятанного в подполе жбана, сонный мед, и решает оставить кринку перед порогом бани, у самой двери. Только дверь как раз отворяется, и Ингвар получает свой мед из рук прямо в руки. Разморенный, посоловевший, он принимает гостинец, благодарит и даже делает пару глотков. И, пожелав доброй ночи хозяевам, убирается на сеновал. Избегает мозолить глаза, не иначе.

«Хорош мед, да не тот» — усмехается про себя он, приняухавшись и распознав сонное зелье. И, как ни хотелось ему, в полный рост да руки раскинувши, растянуться в душистом, этого года, сене, забыться сном до самой зари, или пока не разбудят... нет, решает, не зря угощали, значит,